

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ МИСТЕРА ФИКРИ

ГАБРИЭЛЬ
ЗЕВИН

перевод ЕКАТЕРИНЫ
ГОРБАТЕНКО

МИО

МИФ Проза

Габриэль Зевин

Книжный остров мистера Фикри

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)5-44

Зевин Г.

Книжный остров мистера Фикри / Г. Зевин — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2014 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250881-5

Что, если счастье – не пункт назначения, а маршрут, который мы прокладываем сами? Эй Джей Фикри, владелец небольшого книжного на острове Элис, давно перестал верить в чудеса. Его жизнь – череда рутинных дней, горечь утраты и одиночество. Жена умерла, бизнес еле держится, а единственная ценность – раритетное издание Эдгара Аллана По – украдена. Но однажды в его магазине появляется посылка с весьма неожиданным «вложением», а вслед за ней – люди, которые способны изменить все. Теперь все зависит лишь от мистера Фикри. Позволит ли он судьбе написать новую главу на страницах своей печальной истории? Ранее книга издавалась под названием «Повседневная логика счастья».

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)5-44

ISBN 978-5-00-250881-5

© Зевин Г., 2014
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2014

Содержание

Часть 1	7
Агнец на закление. 1953 / Роальд Даль	7
Алмазная гора. 1922 / Фрэнсис Скотт Фицджеральд	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Габриэль Зевин

Книжный остров мистера Фикри

Original title:
THE STORIED LIFE OF A. J. FIKRY
Gabrielle Zevin

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2014 by Gabrielle Zevin

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026.

* * *

Часть 1

Агнец на заклание. 1953 / Роальд Даль

Жена убивает мужа замороженной бараньей ногой, после чего скармливает орудие преступления копам. Вполне удобоваримое сочинение Даля, хотя у Ламбиазе возник вопрос, какой получится баранина, если домохозяйка будет готовить ее по методу главной героини, то есть без размораживания, приправ и маринадов. Не достанет ли она в итоге из духовки жесткое, неравномерно пропеченное мясо? Я не кулинар (и не преступник), но если этот момент не выдерживает критики, весь рассказ рухнет. Тем не менее «Агнец» проходит отбор, потому что одной моей знакомой когда-то нравился «Джеймс и гигантский персик»¹.

Э. Дж. Ф.

На пароме, следующем из порта Хайаннис² на остров Элис, Амелия Ломан красит ногти в желтый цвет и, пока лак высыхает, просматривает записи своего предшественника. «Книжный магазин “Остров”: ежегодные продажи составляют около 350 тысяч долларов, причем большая часть приходится на летние месяцы, когда на Элис приезжают отдыхающие, – сообщает Харви Родес. – Пятьдесят пять квадратных метров торговой площади. Единственный штатный сотрудник – владелец. Крохотный отдел детской литературы. Минимальное присутствие в интернете. Работа с читателями почти не ведется. Каталог, в котором явно преобладает интеллектуальная литература, что не может нас не радовать. Однако Фикри слишком разборчив, и, если рядом нет Ник, его трудно уговорить на что-то новое. К счастью для Фикри, конкурентов у “Острова” нет». Амелия зеваает (у нее легкое похмелье), раздумывая, стоит ли один привередливый магазинчик такой долгой дороги. К тому времени, как на ногтях схватывается желтая краска, неисправимый оптимист в Амелии берет верх: «Разумеется, стоит!» Ведь привередливые магазинчики и та особая порода людей, которые ими заведуют, – ее конек. И вообще, она специалист широкого профиля, умеющий подбирать вино к ужину (не бросая потом друзей, выпивших лишнего), и знающий толк в домашних растениях, бездомных животных и других обреченных.

¹ «Джеймс и гигантский персик» – детская книга Роальда Даля о мальчике, оказавшемся внутри гигантского персика и познакомившего там с местными насекомыми. *Здесь и далее прим. ред.*

² Хайаннис – деревня в штате Массачусетс, США.

Когда Амелия сходит с парома, у нее звонит мобильный. Она не узнаёт номер – никто из ее друзей уже не пользуется телефоном для звонков. Впрочем, она даже рада неизвестности. Она ведь не из тех, кто думает, что хорошие новости сообщают исключительно абоненты, которых ты знаешь, и только тогда, когда ты ждешь их звонка. В трубке раздается голос Бойда Флэнегана, неудачного знакомства по интернету номер три. Полгода назад Бойд водил ее в цирк.

– Я отправлял тебе сообщение пару недель назад, – говорит он. – Ты его получила?

Амелия объясняет, что недавно поменяла работу и все ее учетные записи полетели.

– Да и сама идея знакомиться по интернету перестала меня привлекать. Возможно, это не мое.

Последнюю фразу Бойд как будто пропускает мимо ушей.

– Не хочешь еще раз увидеться? – спрашивает он.

Для справки: на первом свидании новизна цирковых огней некоторое время отвлекала Амелию от факта, что между ней и Бойдом нет ничего общего. Но под конец ужина правда об их несовместимости была очевидна. Вероятно, пелена должна была спастись с глаз, когда они не сумели договориться об аперитиве, или когда в разгар вечера Бойд признался, что не любит «старье» – антиквариат, старые дома, старых собак и людей. Однако Амелия не спешила с выводами и поставила на Бойде крест только за десертом, когда на вопрос о книге, больше всего повлиявшей на его жизнь, он ответил: «Основы бухгалтерского учета. Часть вторая».

Амелия вежливо отказывается. Она больше не хочет встречаться.

Она слышит в трубке дыхание Бойда, частое и прерывистое. Она боится, как бы он не расплакался.

– Тебе плохо? – спрашивает она.

– Не надо меня опекать.

Амелия понимает, что пора вешать трубку, но не делает этого. Ее разбирает любопытство. Какой толк в неудачных свиданиях, если о них нечего рассказать друзьям?

– Прошу прощения?

– Ты же видишь, я не сразу тебе позвонил, Амелия, – говорит он. – Я молчал, потому что встретил кое-кого получше. Но у нас не сложилось, и я решил дать второй шанс тебе. Так что не задирай нос. Улыбка у тебя приятная, это да, но зубы слишком большие, задница толстовата, и, хотя пьешь ты как двадцатипятилетняя, сей чудесный возраст для тебя уже миновал. Зря ты харчами перебираешь. – На другом конце всхлипывают. – Прости. Правда, извини.

– Все нормально, Бойд.

– Что со мной не так? В цирке ведь было весело, верно? И я не так уж плох.

– Ты отличный парень. И в цирке было очень интересно.

– Но ты по какой-то причине меня невзлюбила. Давай начистоту.

К этому моменту причин не любить Бойда накапливается предостаточно. Амелия выбирает одну:

– Помнишь, я сказала, что занимаюсь книгами, а ты ответил, что не любишь читать?

– Ты сноб, – заключает он.

– Кое в чем, пожалуй, да. Слушай, Бойд, я на работе. Мне пора.

Амелия вешает трубку. Она не мнит себя красавицей, и ее совершенно не интересует мнение Бойда Флэнегана, с которым они все равно толком не разговаривали. Просто она его последнее разочарование. С ней тоже такое бывало.

Ей тридцать один, и ее пугает, что она до сих пор никого не встретила.

И все же...

Оптимист в Амелии верит, что лучше быть одной, чем с кем-то, кто не разделяет твоих интересов и чувств. Правда же?

Мама Амелии любит повторять, что романы отбили ей вкус к настоящим мужчинам. Это замечание обижает Амелию, ибо оно подразумевает, что она читает исключительно книги с классическими героями-любовниками. Время от времени она не против полистать такой роман, но в целом у нее гораздо более изощренные вкусы. Обожая Гумберта Гумберта как персонажа, она прекрасно осознаёт, что в реальной жизни ей не нужен такой партнер, парень или даже просто знакомый. То же самое касается Холдена Колфилда, мистера Рочестера и мистера Дарси.

Вывеска над крыльцом лилового викторианского домика выцвела, и Амелия едва не проходит мимо.

ОСТРОВ

Эксклюзивный поставщик произведений изящной словесности на о.
Элис с 1999 года
*Человек не остров;
книга – целый мир*

На кассе сидит школьница, листаящая новый сборник рассказов Элис Манро.

– Нравится? – спрашивает Амелия. Она обожает Манро, но читать книги, которых нет в списке, успевает разве что в отпуске.

– По литературе задали, – отвечает девочка, как будто этим все сказано.

Амелия представляется торговым агентом «Найтли пресс», и школьница, не отрывая глаз от страницы, показывает куда-то за спину.

– Эй Джей у себя.

По обе стороны коридора опасно нависают стопки сигнальных экземпляров и гранок, и на Амелию накатывает знакомая волна уныния. Из туго набитой сумки, от которой ноет плечо, в бумажные горы Эй Джея перекоцует несколько распечаток и список изданий, которые ей положено расхваливать. Она никогда не лжет о книгах из своего каталога. Она никогда не говорит, что в восторге от книги, если та ей не нравится. Как правило, она умеет сказать что-нибудь хорошее о любой книге, а нет, так о ее обложке, авторе или сайте автора. «Потому-то я и гребу деньги лопатой», – шутит Амелия. Она получает тридцать семь тысяч долларов в год и теоретически может заработать премию. Впрочем, у них в издательстве премий уже давно никому не перепало.

Дверь в кабинет Эй Джея Фикри закрыта. Амелии остается до нее несколько шагов, но тут рукав ее свитера цепляется за одну из стопок, и сотня книг, если не больше, с ужасающим грохотом обрушивается на пол. Дверь открывается, и Эй Джей Фикри, осмотрев место крушения, переводит взгляд на великаншу, которая лихорадочно пытается вернуть книги на место.

– Что за черт? Вы кто?

– Амелия Ломан.

Она добавляет в стопку десяток томов, но половина из них снова падает.

– Оставьте, – командует Эй Джей. – Их надо складывать по порядку. Так что помощи от вас никакой. Уходите.

Амелия поднимается. Она выше Эй Джея сантиметров на десять, не меньше.

– Но у нас же встреча.

– Нет у нас никакой встречи, – возражает Эй Джей.

– Нет, есть, – настаивает Амелия. – Я писала вам на прошлой неделе по поводу зимнего каталога. Вы ответили, что я могу приехать в четверг или пятницу после обеда. Я сказала, что буду в четверг.

Обмен электронными письмами был коротким, но уж никак не выдуманным.

– Вы агент?

Амелия с облегчением кивает.

– Напомните, какого издательства?

– «Найтли».

– В «Найтли пресс» работает Харви Родес, – говорит Эй Джей. – Когда вы писали мне на прошлой неделе, я думал, что вы помощница Харви или что-то вроде того.

– Я его замена.

Эй Джей тяжело вздыхает.

– В какую компанию перешел Харви?

Харви умер, и у Амелии мелькает идея цинично пошутить, назвав загробную жизнь компаний, а Харви ее новым сотрудником.

– Он умер, – просто говорит она. – Я думала, вы знаете.

Большинство партнеров уже знали. Харви был легендой, насколько торговый агент может быть легендой.

– В бюллетене Ассоциации книготорговцев Америки был некролог и еще, кажется, в «Паблишерз уикли»³, – извиняющимся тоном добавляет она.

– Я мало слежу за книжными новостями, – говорит Эй Джей. Он снимает очки в толстой черной оправе и долго их протирает.

– Мне очень жаль, если для вас это удар.

Амелия кладет руку на плечо Эй Джею, но тот отмахивается.

– Какое мне дело? Мы были едва знакомы. Виделись три раза в год. На дружбу не тянет. И при каждой встрече он пытался продать мне что-нибудь. Разве это дружба?

Амелия видит, что сейчас не самый удачный момент рекламировать Эй Джею зимний каталог. Нужно предложить ему встретиться в другой раз. Но ей вспоминаются два часа на машине до Хайанниса, восемьдесят минут по морю до Элиса и расписание паромов, которые с наступлением ноября ходят все реже.

– Раз уж я здесь, – говорит Амелия, – давайте посмотрим зимний каталог «Найтли».

У Эй Джея не кабинет, а чулан. Ни окон, ни картин на стенах, ни семейных фотографий на столе, ни безделушек – никакой отдушины. Пространство занято книгами на дорогих металлических стеллажах, из-за которых комната напоминает гараж, картотечным шкафом и древним, выпущенным чуть ли не в двадцатом веке компьютером. Эй Джей не предлагает гостю напитков, и хотя у Амелии пересохло в горле, сама она не просит. Она убирает со стула книги и садится.

Амелия открывает зимний каталог, самый короткий и самый непритязательный в году. Кроме пары-тройки громких (или хотя бы перспективных) дебютов, он обычно заполнен книгами, на коммерческий успех которых издатель возлагает меньше всего надежд. Тем не менее любимчиками Амелии часто становятся именно «зимние». Они не избалованы судьбой, успех если и приходит к ним, то не сразу, но в конце долгого, тернистого пути. (Не будет большим преувеличением сказать, что такой же «зимней» Амелия видит себя.) Напоследок Амелия приберегает самое интересное – мемуары восьмидесятилетнего старика, всю жизнь проходившего холостяком и встретившего свою половинку только в семьдесят девять. Через два года после свадьбы его жена умерла от рака. Ей было восемьдесят три. Если верить биографической справке, автор работал научным журналистом в различных газетах Среднего Запада; стиль у него ясный, остроумный и совсем не заунывный. По дороге из Нью-Йорка в Провиденс Амелия рыдала прямо в поезде. Амелия знает, что «Увядший цвет» – маленькая книга, и аннотация у нее, прямо скажем, шаблонная, но она уверена, что читатели полюбят ее, если только

³ Publishers Weekly – американский еженедельный журнал о книжном бизнесе и книготорговле.

дадут ей шанс. Вообще, Амелия уже не раз подмечала, что многие проблемы решаются, когда не боишься дать шанс чему-то новому.

Увлеченно рассказывая об «Увявшем цвете», Амелия вдруг замечает, что Эй Джей уронил голову на стол.

– Что-то не так? – спрашивает Амелия.

– Это не для меня, – говорит Эй Джей.

– Да вы только откройте первую главу! – Она пытается сунуть гранки в руки Эй Джею. – Тема может показаться донельзя избитой, но автор так ее...

– Это не для меня, – обрывает ее Эй Джей.

– Ладно. Расскажу вам о чем-нибудь другом.

Эй Джей делает глубокий вдох.

– Я против вас ничего не имею, но ваш предшественник... Понимаете, Харви знал мои вкусы. Они у нас были одинаковыми.

Амелия кладет гранки на стол.

– Я бы тоже могла изучить ваши вкусы, – говорит она, чувствуя себя героиней порнофильма.

Эй Джей бормочет что-то себе под нос. Амелии слышится нечто вроде: «А толку?» – но она не уверена.

Амелия закрывает каталог.

– Просто скажите, что вам нравится, мистер Фикри.

– *Нравится*, – недовольно повторяет он. – Давайте-ка я лучше скажу, что мне *не нравится*. Мне не нравится постмодернизм, постапокалипсис, магический реализм и когда повествование ведется от лица умершего. Меня вряд ли впечатлят фокусы оформителей, многошрифтовая печать и растыканные где ни попадя картинки – не люблю все эти рекламные штучки. Художественную литературу о Холокосте и других мировых трагедиях я считаю безвкусницей – на эту тему ничего, кроме документальных книг, просьба не предлагать. Мне претят жанровые попури а-ля интеллектуальная детективная мелодрама или интеллектуальное фэнтези. У каждого жанра свои законы, и скрещивания между ними почти никогда не бывают удачными. Я не люблю детские книги, особенно про сирот, и предпочитаю не засорять полки подростковым чтивом. Мне не нравится все, что больше четырехсот и меньше ста пятидесяти страниц. Терпеть не могу романы, которые пишут от имени звезд реалити-шоу; напичканные фотографиями книги о знаменитостях; спортивные мемуары; издания, приуроченные к экранизациям; книжки-игрушки и, само собой, вампирские истории. На моих полках редко встречаются дебюты, чиклит⁴, стихи и переводы. Никогда бы не имел дела с сериями, но, увы, они пользуются спросом. Так что не рекламируйте мне «большие новые серии», пока они надежно не утвердятся в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». И главное, госпожа Ломан, я нахожу тоненькие мемуарчики стариков, чьи престарелые жены умирают от рака, абсолютно неприемлемыми. Как бы ни расхваливали их слог торговые агенты. И каких бы продаж вы мне ни обещали ко Дню матери.

Амелия густо краснеет, хотя она скорее рассержена, чем смущена. Кое в чем она согласна с Эй Джеем, но тот ведет себя неоправданно грубо. Половину из перечисленного «Найтили пресс» вообще не издает. Амелия обводит Эй Джея внимательным взглядом. Он старше нее, но не на много, максимум лет на десять. В этом возрасте еще не может нравиться так мало.

– А что вам по душе? – спрашивает она.

– Все остальное, – отвечает он. – Порой мне бывает трудно устоять перед сборником коротких рассказов. Но покупатели их все равно не берут.

⁴ Дословно: «литература для цыпочек». Разновидность женской прозы с романтическим сюжетом и легким юмором.

В списке Амелии всего один сборник, дебютный. Она не прочла его целиком, и, судя по плотности графика, вряд ли прочтет, но первый рассказ пришелся ей по душе. Два шестых класса, один из Америки, другой из Индии, участвуют в международной программе «Друзья по переписке». Рассказчик – индийский школьник, который учится в Америке и регулярно подбрасывает американцам смешную дезинформацию об индийской культуре. Амелия, которой так и не предложили воды, прочищает пересохшее горло.

– «Год, когда Бомбей стал Мумбаем». Думаю, сборник будет особенно инте...

– Нет, – говорит Эй Джей.

– Я ведь еще даже не сказала, о чем книга.

– Нет, и все.

– Но почему?

– Признайтесь, вы ведь заговорили об этом сборнике только потому, что у меня индийские корни и вам кажется, что мне он будет особенно интересен. Верно?

Амелия борется с искушением водрузить Эй Джею на голову его древний компьютер.

– Я заговорила о нем, потому что вы сказали, что любите короткие рассказы! А это единственный сборник в моем списке. И раз уж на то пошло, – ради красного словца добавляет она, – это великолепный сборник. Хоть и дебютный. Да что там! Я люблю дебюты. Обожаю открывать для себя что-то новое. Это одна из причин, почему я выбрала эту работу.

Амелия встает. У нее раскалывается голова. Может, она в самом деле многовато пьет? В унисон с пульсирующей головной болью колотится сердце.

– Хотите знать мое мнение?

– Не особенно, – отзывается Эй Джей. – Сколько вам, двадцать пять?

– Мистер Фикри, у вас чудесный магазин, но если вы не пересмотрите своего... своего... своего... – В детстве Амелия заикалась, и временами, когда она расстраивается, проблема возвращается. Она прочищает горло. – Своего косного отношения, никакого «Острова» скоро не будет.

Амелия кладет на стол «Увядший цвет» и зимний каталог. В коридоре она спотыкается о разбросанные книги.

До ближайшего парома больше часа, поэтому она решает прогуляться по городу. У входа в отделение «Банка Америки» бронзовая табличка напоминает о лете, когда в здании находилась гостиница «Элис» и в ней останавливался Герман Мелвилл⁵. Амелия включает на телефоне камеру и фотографируется на фоне таблички. Элис – приятное место, но Амелия сомневается, что в ближайшее время у нее появится повод сюда вернуться.

Она отправляет сообщение шефу в Нью-Йорк:

Похоже, заказов от «Острова» не будет.

Шеф отвечает:

Не переживай. Заказчик не крупный и основные закупки обычно делает в преддверии летнего притока туристов. Хозяин – странный человек, и у Харви с ним всегда лучшие шел весенне-летний каталог. У тебя весной тоже лучшие пойдут.

В шесть часов Эй Джей отпускает Молли Клок домой.

– Как тебе Манро? – спрашивает он.

Она закатывает глаза.

– Почему меня сегодня все о ней спрашивают?

Речь идет об одной Амелии, но Молли нравится преувеличивать.

– Наверное, потому, что ты читаешь ее сборник.

Молли опять закатывает глаза.

⁵ Герман Мелвилл – американский писатель, автор романа «Моби Дик, или Белый кит».

- Ладно. Люди у нее какие-то, не знаю, слишком человечные, что ли.
- По-моему, в этом ее изюминка, – говорит Эй Джей.
- Не знаю. Старые рассказы нравились мне больше. До понедельника.

С Молли надо что-то делать, думает Эй Джей, вешая на дверь табличку «ЗАКРЫТО». Девочка любит читать, но книги продает из рук вон плохо. Впрочем, она работает неполный день, а кого-то нового еще поди научи. Молли хотя бы не крадет. И потом, если Ник взяла неприветливую мисс Клок на работу, значит, она в ней что-то нашла. Возможно, к следующему лету он соберется с духом и все-таки уволит Молли.

Эй Джей выпроваживает последних посетителей (ему порядком надоели студенты-химики, которые с четырех часов торчали в журнальном отделе, но так ничего и не купили – и похоже, что один из них в придачу засорил в туалете слив), после чего берется подсчитывать выручку. Полагаете, это занятие нагоняет на него тоску? Вы совершенно правы. Наконец Эй Джей поднимается к себе домой, на чердак. Он засовывает в микроволновку пачку замороженного виндалу⁶. Дождаясь, пока пройдут указанные на упаковке девять минут, Эй Джей думает о девушке из «Найтли». Она выглядела как путешественница во времени, явившаяся из Сиэтла 1990-х: резиновые сапоги с принтом из якорей, бабушкино платье в цветочек, бесформенный бежевый свитер и волосы по плечи, которые ей, наверное, парень на кухне подстригает. Или подруга? Нет, все-таки парень, решает Эй Джей. Ему вспоминаются фотографии Кортни Лав, когда та была женой Курта Кобейна. Большой красный рот говорит: «Меня никто не может обидеть», но светло-голубые глаза перечат: «Ты можешь и наверняка обидишь». И он, Эй Джей, довел этот божий одуванчик до слез. Молодец, нечего сказать!

На кухне все явственнее пахнет виндалу, но на таймере остается еще семь с половиной минут.

Нужно чем-то себя занять. Дать умеренную физическую нагрузку.

Он спускается в подвал разделять канцелярским ножом картонные коробки из-под книг. Прорезал, расправил, сложил. Прорезал, расправил, сложил.

Эй Джею стыдно за то, как он обошелся с торговым агентом. Барышня не виновата, что никто не сказал ему о смерти Харви Родеса.

Прорезал, расправил, сложил.

Впрочем, кто-то наверняка говорил. Электронную почту Эй Джей читает по диагонали, а к телефону вообще не подходит. Может, его и на похороны звали? Неважно, он все равно бы не пошел. Они с Харви Родесом были едва знакомы. И точка.

Прорезал, расправил, сложил.

Все же... За последние шесть лет они много часов провели вместе. Ни о чем, кроме книг, они не говорили, но разве не книги самое сокровенное в жизни?

Прорезал, расправил, сложил.

И часто ли случается встретить человека, вкусы которого совпадают с твоими? Единственный серьезный спор разгорелся у них по поводу Дэвида Фостера Уоллеса. Случилось это вскоре после самоубийства писателя. Эй Джея выводил из себя благоговейный тон посмертных панегириков. Кроме одного приличного (при всей своей непритязательности и растянутости) романа и нескольких не особенно глубоких эссе, Уоллес ничего не написал.

– «Бесконечная шутка» – шедевр, – говорил Харви.

– «Бесконечная шутка» – испытание на выносливость. Если ты дочитал ее до конца, у тебя не остается другого выбора, кроме как сказать, что она тебе понравилась. Иначе ты встанешь перед фактом, что впустую потратил несколько недель жизни, – возражал Эй Джей. – Это красиво написанная пустышка, мой друг.

Харви при этих словах побагровел и перегнулся над столом.

⁶ Виндалу – традиционное индийское блюдо из тушеного мяса.

– Вы говорите так обо всех писателях, которые родились в одно десятилетие с вами!
Прорезал, расправил, сложил.

К тому времени, как Эй Джей возвращается на чердак, виндалу остывает. Если заново разогреть его в этом пластике, можно заработать рак.

Эй Джей ставит пластиковую тарелку на стол. Сверху горячо. Внутри лед. Виндалу мишки-папы и мишки-малыша. Эй Джей швыряет тарелку об стену. Как мало он значил для Харви и как много Харви значил для него.

Почему плохо жить одному? Потому что беспорядок, который ты устраиваешь, кроме тебя убирать никому.

Нет. На самом деле проблема одиночки в том, что никому не интересно, почему ты расстроен. Никому нет дела, почему тридцатидевятилетний мужчина бросается упаковкой виндалу, точно несмышленный карапуз. Эй Джей наливает себе стакан мерло. Стелет на стол скатерть. Идет в гостиную. Щелкает замок витрины с климат-контролем, и Эй Джей вынимает из нее «Тамерлана». Вернувшись на кухню, он усаживает «Тамерлана» напротив себя, прислонив его к спинке стула, на котором сидела Ник.

– Твое здоровье, поганец, – говорит он тонкой книжице.

Эй Джей выпивает стакан и наливает еще один. Допив и этот, он дает себе обещание почитать книгу. Может, кого-нибудь из давних любимцев. «Старую школу» Тобиаса Вулфа, к примеру. Хотя лучше, конечно, попробовать что-то новое. О чем там распиналась чудачка из «Найтли»? «Увядший цвет»? Брр. Эй Джей не откажется от своих слов. Нет ничего хуже розовых соплей о вдовцах. Особенно если ты уже двадцать один месяц как овдовел. Ломан не виновата. Она новенькая и не могла знать о его скучной трагедии. Господи, как же ему не хватает Ник. Ее голоса, шеи и даже подмышек. Они были шершавыми, точно кошачий язык, и в конце дня пахли молоком, которое вот-вот прокиснет.

Три стакана спустя Эй Джей отключается прямо за столом. При весе шестьдесят три с половиной килограмма и росте метр семьдесят он не подкрепился даже замороженным виндалу. Этим вечером он уже ничего не почитает.

– Эй Джей, – шепчет Ник, – ложись в постель.

Наконец-то сон. Люди затем и пьют, чтобы уходить в него.

Сотканное из винных паров привидение жены помогает Эй Джею подняться.

– Это свинство, умник ты мой. Понимаешь?

Он кивает.

– Виндалу-полуфабрикат и пятидолларовое красное вино.

– Я отдаю должное освященным веками обычаям предков.

Они с привидением плетутся в спальню.

– Поздравляю, мистер Фикри, вы превращаетесь в самого настоящего алкоголика.

– Прости, – говорит он. Она опускает его на постель.

У нее каштановые, по-мальчишески короткие волосы.

– Ты подстриглась, – говорит Эй Джей. – Непривычно.

– Ты ужасно вел себя с той девушкой.

– Это из-за Харви.

– Разумеется, – говорит она.

– Не люблю, когда люди, которых я знаю, умирают.

– Поэтому ты и Молли Клок не увольняешь?

Он кивает.

– Так нельзя.

– Можно, – возражает Эй Джей. – Я так жил и буду жить.

Она целует его в лоб.

– Я просто говорю, что не хотела бы для тебя такой жизни.

Она уходит.

Ее больше нет.

В аварии не было виноватых. Ник отвозила домой писателя, который приезжал к ним на авторский вечер. Наверное, она торопилась на последний автомобильный паром до Элиса. Возможно, на дорогу выскочил олень, и она попыталась его объехать. Может быть, ее подвели зимние массачусетские дороги. Этого уже никто никогда не узнает. Коп в больнице спрашивал, не была ли она склонна к суициду.

– Нет, – ответил Эй Джей, – ничего такого.

Она была на третьем месяце беременности. Они пока никому не говорили. Им уже приходилось обжигаться. Стоя у морга в ожидании выдачи, Эй Джей жалел, что они не сказали людям. По крайней мере, у них был бы короткий период счастья перед этим долгим периодом... Чего? Он еще не подобрал *этому* названия.

– Нет, она не была склонна к суициду. – Эй Джей помолчал. – Она была ужасным водителем, считавшим себя профи.

– Да, – сказал коп. – Тут никто не виноват.

– Люди любят так говорить, – отозвался Эй Джей. – Но виноватые есть. Это Ник. Разве можно было так нелепо погибнуть? К чему эта глупая мелодрама? Зачем эти штучки а-ля Даниэла Стил⁷, Ник? Будь это роман, я бы тотчас перестал его читать. Я бы швырнул его в стену.

Коп, не читавший почти ничего, кроме дешевых изданий Джеффри Дивера⁸, да и те только в отпуске, попытался вернуть его к реальности.

– Да. У вас ведь книжный магазин.

– У нас с женой, – не подумав, уточнил Эй Джей. – Боже правый, да я как тот примитивный персонаж, который забывает, что его жена умерла, и нечаянно говорит «мы». Как шаблонно! Офицер... – он прочел на жетоне имя копа, – Ламбиазе, мы с вами действующие лица дрянного романа. Понимаете? Как мы до такого докатились? Вы, вероятно, думаете про себя: «Вот бедняга!» А когда вернетесь вечером с работы, крепче обычного обнимете детишек, потому что персонажи вашего типа всегда так делают. Вы ведь понимаете, о каких романах я говорю, да? Щеконадувательское чтиво, где какому-нибудь маловажному вспомогательному персонажу уделяется капля внимания, чтобы все было красиво и по-фолкнеровски. Смотрите, мол, как автор печется о маленьком человеке. Простой человек во всей своей красе! Какой размах мысли! Даже ваше имя. Офицер Ламбиазе – идеальное имя для шаблонного массачусетского копа. Вы расист, Ламбиазе? Законы жанра требуют, чтобы вы были расистом.

– Мистер Фикри, – проговорил офицер Ламбиазе, – давайте я позвоню кому-нибудь из ваших близких.

Эй Джею попался хороший коп, привыкший ко всякого рода безумствам, в которые впадают раздавленные горем люди. Он положил ему руку на плечо.

– Да, офицер Ламбиазе! Самое время сказать эту фразу! Вы превосходно играете роль. Не знаете часом, что теперь полагается делать вдовцу?

– Позвонить кому-нибудь, – ответил офицер.

– Пожалуй, вы правы. Но я уже позвонил родственникам жены. – Эй Джей кивнул. – Будь это короткий рассказ, мы бы с вами уже отстрелялись. Небольшой иронический пируэт и занавес. Вот почему во всей прозе нет ничего элегантнее короткого рассказа, офицер Ламбиазе.

⁷ Даниэла Стил – автор популярных сентиментальных романов, изданных многомиллионными тиражами.

⁸ Джеффри Дивер – американский писатель, автор триллеров и криминальных романов, в том числе о Джеймсе Бонде.

У Раймонда Карвера⁹ вы бы кое-как утешили меня, все покрылось бы мраком, и на том конец. Но это... это скорее роман. В эмоциональном плане. Его с наскока не одолеешь. Понимаете?

– Не уверен. Я не читал Раймонда Карвера, – сказал офицер Ламбиазе. – Мне нравится Линкольн Райм¹⁰. Знаете такого?

– Криминалист-паралитик. Неплохо для жанровой прозы. Но читали ли вы когда-нибудь короткие рассказы? – спросил Эй Джей.

– Разве что в школе. Сказки. Или, гм, «Рыжего пони». Кажется, нам задавали «Рыжего пони».

– Это новелла, – покачал головой Эй Джей.

– О, прошу прощения. Я... Постойте, в средней школе был у нас один рассказ про копа. Что-то вроде идеального преступления. Потому, наверное, и запомнился. Этого копа убивает собственная жена. Орудие преступления – замороженный говяжий окорок, который жена потом предлагает другим...

– «Агнец на заклятие», – перебил его Эй Джей. – Рассказ называется «Агнец на заклятие», и нога там баранья.

– Точно! – обрадованно воскликнул коп. – Вы мастер своего дела.

– Это очень известная вещь, – сказал Эй Джей. – Родственники должны приехать с минуты на минуту. Простите, что назвал вас «маловажным вспомогательным персонажем». Незачем было так грубить, и потом, похоже, что это я «маловажный вспомогательный персонаж» в саге об офицере Ламбиазе. Копы гораздо чаще книготорговцев становятся главными героями. За вами целый жанр, сэр.

– Хм, – отозвался офицер Ламбиазе. – Тут вы, наверное, правы. Возвращаясь к рассказу, меня, как копа, смущает хроника событий. Вот ставит она говядину...

– Баранину.

– Баранину. В общем, она убивает мужа замороженным куском баранины, а потом ставит мясо в духовку, даже не разморозив его. Я не Рэйчел Рэй¹¹, но...

К тому времени, как машину вытащили из воды, Ник начала коченеть, и в морге у нее были синие губы. Цвет напомнил Эй Джею черную помаду, которой она красилась, когда организовывала книжную вечеринку, посвященную очередному вампирскому роману. Эй Джей не горел желанием устраивать для глупых школьниц шашлыки в бальных платьях, но Ник, которой нравилась проклятая вампирская книга и написавшая ее женщина, твердила, что вампирский маскарад – это весело и полезно для бизнеса.

– Ты ведь помнишь, что такое веселье?

– Смутно, – ответил он. – Давным-давно, когда у меня еще не было книжного магазина, когда выходные и вечера можно было проводить как вздумается, когда я читал в свое удовольствие, была вроде бы такая штука – веселье. Да, смутно припоминаю.

– Позволь освежить твою память. Веселье – это когда у тебя есть умная и красивая жена, рядом с которой легко и приятно проходит любой рабочий день.

До сих пор стоит перед глазами эта картина: Ник в нелепом шелковом наряде аспидного цвета обнимает правой рукой колонну крыльца, и на ее лице соблазнительно чернеет контур губ.

– Увы, моя жена стала вампиром.

– Бедненький. – Она сошла с крыльца и поцеловала его, нарисовав на щеке синяк. – Тогда тебе ничего не остается, кроме как самому стать вампиром. Не противься этому. Сопротивление – худший вариант. Не бойся, умник. Пригласи меня в дом.

⁹ Раймонд Карвер – американский поэт и мастер короткой прозы.

¹⁰ Линкольн Райн – герой романа Джеффри Дивера «Собиратель костей».

¹¹ Рэйчел Рэй – американская телеведущая и шеф-повар.

Алмазная гора. 1922 / Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Формально это рассказ. Но рассказ – что-то неопределенное. Тем не менее если ты окажешься среди людей, которые предпочитают проводить жанровые границы – когда-то и я относился к их числу, – тебе лучше знать, в чем отличие рассказа от других жанров. (Если ты попадешь в какой-нибудь из университетов Лиги плюща, тебе наверняка встретятся такие люди. Вооружайся знаниями против этих гордецов. Но я отвлекаюсь.) Эдгар Аллан По определяет рассказ как то, что можно прочесть в один присест. Думается, что в его времена «один присест» был дольше. Но я снова отвлекаюсь.*

Заковыристая, чудаковатая история о трудностях, с которыми сталкиваются хозяева алмазного города, и о том, насколько далеко готовы зайти богачи, чтобы защитить свой образ жизни. Тут Фицджеральд на высоте. «Великий Гэтсби» безоговорочно великолепен, но порой этот роман кажется мне чересчур аккуратным и ухоженным, как зеленые фигуры в детских парках. В коротких рассказах Фицджеральд раскованнее и неряшливее. «Алмазная гора» дышит, словно заколдованный садовый гном.

Почему «Гора» попала в список: ты и сама прекрасно знаешь, что перед тем как встретить тебя, я тоже потерял нечто, представляющее очень большую, хоть и не материальную ценность.

Э. Дж. Ф.

* Я думал об этом. Помни, что хорошие учителя бывают не только в модных университетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.